

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

ОЛЕГ ЖДАН: ТРАЕКТОРИЯ ЖИЗНИ — ТРАЕКТОРИЯ ТАЛАНТА

Эстетика Олега Ждана выросла из советской литературы и, прежде всего, из традиций русской психологической прозы. Отечественная критика отмечала в стиле О. Ждана *“дыхание чеховской традиции”* [1. С. 154]. Писатель начинал свой путь в литературу в России и писал на русском языке. Этот язык так и остался главным языком его творчества. Вместе с тем, прозаик тесно связан с родной белорусской землёй, он творит в силовом поле национальной литературы и, естественно, не может не учитывать опыта этой литературы. К тому же здесь сложилось, можно сказать, целое направление русскоязычной литературы, ядром которого является творчество Б. Спринчана, А. Каштанова, Э. Ялугина, М. Герчика, К. Тарасова, Г. Бубнова, Н. Циписа, Е. Поповой... Эти писатели существенно обогащают белорусскую литературу как в плане содержательном, так и в жанрово-стилевом.

Идейно-художественные искания О. Ждана проходили в русле художественных исканий своего времени, в контексте доминирующей эстетики 70–80-х годов. Первая книга прозы писателя *“Во время прощания”* вышла в 1975 году. Затем одна за другой появляются *“В гостях и дома”* (1977), *“Знакомый”* (1977), *“Черты и лица”* (1985), *“По обе стороны проходной”* (1987), *“Самостоятельная жизнь”* (1990). Прозаик начинал с малых повествовательных форм, в которых превалировала тема любви, дружбы, верности. Но уже тогда у него был свой творческий принцип: *“И всё же вначале была мысль, точнее, тема. Слово — это уже знак качества, кирпич в руках каменщика, податливое дерево у плотника или столяра”* [2. С. 3]. Этими словами писатель предваряет свой сборник *“По обе стороны проходной”*. Таким образом, первичной для О. Ждана всегда была мысль или, по автору, тема, которая включала в себя определение смысла жизни человека, её цели и оправдания. *“С темой сложнее. Тут, если не нашёл, — всё, крышка. Немалая загадка — тема”* [2, с. 3]. Вероятно, оттого, что первоначальные темы — о центре Вселенной, о середине Земли, о любви возвышенной и неземной — были слишком далеки от реальной жизни, они не приносили автору внутреннего удовлетворения. Писатель упорно искал новые смыслы в жизни и в литературе. Уезжал на восток страны, работал на Карагандинском металлургическом комбинате, в Приташкентской геофизической партии, на строительстве Братского лесопромышленного комплекса *“и не нашёл ответа ни на один вопрос”* [2. С. 3].

Вернулся на родину, работал на Минском тракторном заводе, учился в Литературном институте и *“оказался далеко от начала, однако ничуть не ближе к тому, что хотел узнать”* [2. С. 3]. Как видим, труден путь постижения истины, художественной в том числе. Вот и О. Ждану непросто было осознать, что его главная тема – *“люди того же завода и цеха”* [2. С. 4]. Люди, смысл жизни которых заключался в обыденном, каждодневном труде.

Определив сферу своего творческого интереса, О. Ждан, вместе с тем, расширил тематические горизонты всей белорусской литературы, ибо тема города была одной из наименее разработанных в ней, хотя уже и были написаны *“Песня Двины”* Т. Хадкевича, *“Сотая молодость”* В. Карпова, *“Не могу без тебя”* Л. Гаврилкина, *“Спираль”* В. Карамазова, *“Самый высокий этаж”* А. Савицкого. Но прочные традиции городской прозы ещё не сложились, в отличие, допустим, от прозы *“деревенской”*.

Источником творческого вдохновения для О. Ждана стал тракторный завод. Правда, был ещё один центр притяжения – маленькие городки, особенно его родной Мстиславль. Они представлялись ему *“чем-то вроде маленьких источников с той чистой водой, из которых вырастают реки побольше”* [3. С. 7]. Здесь и людей автор находил особенных: *“приветливых, с твёрдым пониманием добра и зла, смешного и серьёзного, безобразного и прекрасного”* [3. С. 7].

Есть и ещё одна особенность прозы О. Ждана советского периода: повествуя о своих героях, он повествовал и о себе самом. *“Каждый из героев Олега Ждана, – отметит известный российский критик В. Бондаренко, – это “один из нас”. Вместе же получается великое многоголосое Мы... Мы Олега Ждана – это не механистическое, легированное, нержавеющей, роботизированное Мы. Это Мы – современной народной жизни”* [4. С. 381].

Художественная проза О. Ждана 70–80-х годов вмещала в себя огромную силу жизнеутверждения, она была пронизана чувством *“коллективистской”* дружбы, космическим единением земли и неба. Созданная писателем художественная модель мира соответствовала духовным требованиям своего времени, гуманистическим устремлениям советской литературы. Прозаик не сосредотачивался на социальных противоречиях жизни людей (хотя внутренней боли в его текстах достаточно), трагизме эпохи, он стремился охватить своё время в его морально-эстетических аспектах, чтобы в итоге углубиться в философию жизни отдельного человека, производственного *“коллектива”* или города в целом.

Конец 80-х и 90-е годы – это период социальной ломки, пересмотра и почти полного отрицания советской эстетики. Многие писатели оказались в глубоком духовном и творческом кризисе. Рушились те идеологические каноны, моральные идеалы, которыми жило уходящее в историю искусство. Вместе с ним уходили и герои: герои-романтики, мечтатели, герои-трудяги, герои-странники. Новый социум актуализировал, прежде всего, критическую литературу. Здесь явно солировал голос И. Шамякина: *“Paradies auf Erden”* (1993), *“Вернісаж”* (1993), *“Сатанинский тур”* (1995), *“Выкармак”* (1996). По-своему индивидуально-неповторимыми оставались тексты В. Быкова: *“Ваўчыная яма”* (1998), *“Сцяна”* и *“Труба”* (1998), *“Дваццаць марак”* (2000), *“Балота”* (2001); В. Казько: *“Да сустрэчы”* (1997), *“Бунт незаптрабаванага праху”* (2000); Ю. Станкевича *“Псеўда”* (1997); А. Козлова: *“Я і прарок Уродка”* (1996), *“Дзеці начы”* (1999) и др.

О. Ждан только в 2006 году публикует повесть *“Сопровождающий”* (*“Всемирная литература”*, № 2), которая, к сожалению, осталась незамеченной критикой. А между тем, это одно из самых ярких публицистических произведений О. Ждана. Здесь очевидна перекличка с метафорическим *“Сатанинским туром”* И. Шамякина. Концепт дороги или, по-белорусски, *“шляху”*, традиционный для белорусской литературы (*“адвечным шляхам”*, *“млечны шлях”*, *“крыжовы шлях”*), у О. Ждана, как и у И. Шамякина, насыщается consistentной антижизни, антидвижения, мотивом социальной и духовной тупиковости.

Объектом художественного исследования в своей повести О. Ждан избрал политическую интеллигенцию. Случай достаточно редкий в отечественной литературе. (В этой связи вспоминается разве что повесть Т. Бондарь *“Пусты п’едэстал”* (2003).

О. Ждан моделирует ситуацию, в которой условно всё: от сюжетных ходов до расстановки идейных приоритетов. Даже герои психологически *“ориентированы”* на заложенную в них идею.

В Москве скончался бывший партийный босс Пилухович. В своём завещании он просил похоронить его на родине, рядом с могилой матери, и обязательно по христианскому обычаю: с отпеванием в церкви. *“Человек должен быть похоронен там, где родился”* [5. С. 82], – убеждал окружающих Пилухович.

Герой уехал в Москву, ибо *“хотел послужить Родине. Время было такое: если служишь Родине – жизнь твоя удалась, если нет – жил напрасно...”* [5. С. 82]. Однако получилось так, что и он жил напрасно, ибо заслужил немного: *“не сожгут в крематории, а закопают на кладбище Богом забытого городка”* [5. С. 82].

Все герои повести хотели служить Родине, но не вышло, и *“жизнь не удалась”*. Все они, говоря словами Грумаша, *“хотели другой жизни”* [5. С. 77], а вместо неё получили *“хорошее приключение”* [5. С. 69]. Все они – неприкаянные и социально, и духовно. Они деградировали вместе с деградирующим обществом: *“Люди научились добывать разные мелкие удовольствия, и это заменяет им счастье. Регулярная зарплата заменяет большие деньги, старательный секс – любовь, послеобеденная сытость заменяет ощущение полноты жизни”* [5. С. 97]. Печать отчуждённости проступает даже на лицах героев: *“полное отсутствие интереса к жизни”* выражало лицо Грумаша, а Бельчаков и Тузенков *“безучастно смотрели на пролетающие пейзажи”* [5. С. 90].

Настоящей фантазмагорией представляется эта поездка сопровождающему гроб Войцеховскому: *“семьсот километров по небу, триста по шоссе. Рядом с полированным гробом с латунными ручками. Особенно странно выглядело это в ночной тьме. Очень уместен сейчас был бы голос Бога: куда спешите?”* [5. С. 88].

Не меньшей фантазмагорией воспринимается и параллельная поездка трёх чиновников в Брест, где застрелился – или ему помогли – некий не менее ответственный чин Б. Д. Все они едут в никуда. В небытие. Утратив перспективу жизни, они теряют и саму жизнь.

Время их ушло. Возвратно: *“Траектория у времени проста, как у летящей стрелы”* [5. С. 97].

Новый герой О. Ждана утрачивает свою внутреннюю притягательную силу и социальную значимость, затерявшись в лабиринтах постсоветского времени.

Ситуация отчуждения как доминирующий момент постмодернистской литературы проигрывается О. Жданом в повести “Гений”. Произведение впервые было опубликовано в 2011 году в журнале “Нёман”, № 9, хотя первая редакция текста создана в 1990 году. Это удивительно тонкое по психологическому рисунку и глубокое по философии повествование. Оно свидетельствует о новом этапе эстетических и нравственных поисков писателя.

Главный герой – талантливый художник, который утверждает себя в бунте, каждодневном и решительном, но совершенно бесплодном, ибо мир представляется ему неискренним и жестоким.

“Каждый настоящий художник пишет такую (жизнь. – В. Л.), какой живёт сам. Бессмысленная ведь не значит – без содержания. И это в человеке главное, за что его можно уважать или презирать” [6. С. 115]. В этих словах прочитывается идея субъективности искусства, именно та идея, которую будет активно защищать главный герой повести – художник Трифон. Фамилии у него нет, генетически отсутствует: *“Мать моя – подкидыш, я незаконнорожденный. Нет у меня настоящего корня, нет и традиции. Тришка я”* [6. С. 119].

Тришка – это не совсем придуманный автором образ. За его основу взята реально существующий художник. Вначале писатель хотел *“заклеймавать, нават пракляси”* [7. С. 6] своего Тришку, однако логика художественного развития характера была настолько убедительной, что писатель изменил своё решение, ему захотелось своего героя уже *“абараніць”*. *“Я і сам толькі ў канцы аповесці зразумеў майго героя і дараваў яму”* [7. С. 6].

Дар великого художника или, по О. Ждану, *“вывих”, “тайная болезнь”* появилась у Тришки не в первом классе и даже не в детском саду, *“он с этим вывихом родился, а правильнее – зародился”* [6. С. 116]. Когда его просили нарисовать кошку, он избрал собаку, а если собаку, то рисовал кошку. Таким образом, он уже тогда, в самом начале своего пути, отстаивал право художника на свободу.

Герой давно понял, что люди стремятся соответствовать некоему идеалу. Не любят они правды о себе, *“особенно если эта правда – для всех”* [6. С. 120]. Хотя бы красивее, моложе, удачливее. Тришка же хотел правды, сущности во всём. Он отвергал современную жизнь за её ненатуральность. *“Мир уже давным-давно идёт не туда и не так. Жаждет не того, добивается ничтожного. Ликует от ненависти, наслаждается унижением, радуется от злости”* [6. С. 119].

Так кто же такой Тришка? Эгоцентрический тип с задатками великого художника или жертва? Нельзя ответить однозначно. В нём всё переплелось: и талант, и монстрность, и эгоцентризм, и мученичество. По жизни Тришка везде был изгоем. Только ненависть помогла ему выжить. Вместе с тем, художник, по О. Ждану, это, прежде всего, мученик. Всё искусство рождается в муках: *“Христос – на муку, а вы – на удовольствие?”* – недоумевает Тришка. – *Все на муку, кроме глупцов и тиранов*” [6. С. 121]. Герой устал от жизни, разочаровался в ней ещё до рождения, разуверился в людях.

“Человек заслуживает уважения и сочувствия, а ты издеваешься над людьми” [6. С. 118], – упрекает Тришку его приятель-предатель, тоже художник. Это антипод Тришки, но, по сути, образ-функция.

Повесть О. Ждана – это ещё и полемика о сущности искусства, о формах его развития, причём оппонент Тришки проецирует её на развитие человечества. *“История отдельного человека, если пренебречь масштабом, – есть история человечества. История художника – история культуры”* [6. С. 123]. А поскольку альтернативы у человечества нет – *“либо вырождение, либо...”* [6. С. 123], – то нет альтернативы и у искусства. Оно должно быть направлено на восславление гармонии мира. Именно стремлением к красоте живёт и развивается настоящее искусство. Кстати, таким стремлением пронизаны картины самого приятеля-предателя Тришки. Но парадокс: успеха он тоже не добился. . .

“Творчество начинается там и тогда, когда художник удовлетворяет своё чувство, и кончается там, где в расчёт берётся хотя бы один человек” [6. С. 135], – убеждён герой О. Ждана. Тришка ратует за субъективизм в искусстве. Оно должно питаться исключительно чувством художника, ибо чувство насыщает искусство страстями и живыми эмоциями. *“Только чувство – программа гения, доверие, которое он испытывает к самому себе”* [6. С. 123], – развивает свою теорию герой:

– *“У Босха был Христос, а у тебя?”*

– *У меня – я”* [6. С. 116], – уверенно заявляет Тришка, беря на себя одновременно роль мессии, спасителя рода человеческого, и роль гения.

Мысль о гениальности внушила Тришке его мать. И он принял эту мысль как непреложную истину. *“Каждое измученное лицо – гений”* [6. С. 133], – продолжает герой. Таким образом, гениальность – это, прежде всего, чувство муки как особенное состояние души. *“Разве не гениальна его бездарная мать?...”* [6. С. 133]. Парадоксален главный вывод героя: *“Гений не сила, а слабость, он совершенен, а потому не может бороться с толпой. У них, гениев, особая, сквозная судьба и доля: не исчезать окончательно, а умирать и снова возрождаться”* [6. С. 133]. Тришка не получил хорошего образования, христианская вера его не удовлетворяла, поэтому он придумал свою веру с идеей о множественности жизней. Не состоявшись в этой жизни, он надеялся состояться в иной.

Герой мечтал о свободе: творческой и социальной. Свободы творческой он добился. Не свободен был только от матери, которую чаще всего *“переносил с трудом”*, иногда только жалел, – когда удавалась работа, – но тогда он и врагов своих готов был любить. И вот, наконец, свободен он и от матери. *“Свобода, одиночество, тишина. И это же облегчение утром: нет её, нет, нет. Один! И вечером не будет, и следующим утром.”*

Только так и должен жить художник. Племя, семья или государство – объединения слабых. Сбиваются в стаи из страха <...>. Потому, в конце концов, и образовывалось человечество, и не образовался человек” [6. С. 129].

Итак, да здравствует свобода, да здравствует человек! Это была конечная цель бунтующего против мира Тришки, смысл его внутренней борьбы. Но может ли человек жить в мире и быть свободным от него?

Тришка пишет картину, пытаясь совместить замысел с конечным результатом и, таким образом, преодолеть извечную драму художника. Но картина

ему не удавалась: *“ненависти не было в ней. Он хотел примириться с миром, а мир мириться с ним не хотел. Он намеревался показать, какими они, люди, были, и какими могли бы стать, а их удовлетворяло то, какие есть. Хотел показать путь к новой, а может, и вечной жизни, но она, вечная, им не нужна, — только нынешняя минута, удовольствие, всеобщий и поглощающий оргазм”* [6. С. 134]. Толпа снова отвергла Тришку. И он понял причину своего неуспеха. Он заложил в картину не только идею ненависти, но и идею добра, надежды. Он *“уравновесил”* легкомыслие — сомнением, веселье — печалью. *“Нет, не природу поправляя, а судьбу”* [6. С. 135]. Он отступил от себя прежнего, в нём вновь победила слабость. Именно от слабости он пытался объединить и примирить непримиримое: добро и зло, любовь и ненависть. *“А если примирить, то и примириться”* [6. С. 136].

Так был ли Гений? *“Не было никакой гениальности. Был маленький невезучий человек, мечтавший выцарапать из нищеты и безвестности, спасти свою ничтожную, но единственную жизнь”* [6. С. 136].

Тришка — новый герой О. Ждана, он не был ни частью коллектива, ни носителем народной мудрости и жизнотворящей энергии. Это грубый, безжалостный, аморальный и всё-таки значительный, целеустремленный и последовательный в своём жизненном поведении герой. Сознание нового героя О. Ждана отмечено признаками катастрофизма. Мир рухнул, и герой, наделённый могучей творческой индивидуальностью, пытается уйти за пределы этого мира, которому человеческая вседозволенность угрожает полным параличом духа.

* * *

Постепенно О. Ждан будет отходить от “кодекса чести” одного человека и приближаться к чему-то более масштабному-глубокому: сакрально-национальному, общечеловеческому. Философско-мировоззренческий поиск писателя сопряжён с идеологемой национальной идентификации. Этот поиск вовлекает в себя весь духовный спектр человека, но, прежде всего, его бытийный статус и ментальные основы — с целью постижения всё укрепляющейся национальной непохожести, индивидуальной неповторимости. Национальное начало становится приоритетным в художественном осмыслении жизни и характера человека.

Отечественная история оказалась благодатной почвой в поисках новых духовных и нравственных приоритетов в белорусской постсоветской литературе. В историческом прошлом авторы искали те доминанты духовности, которые оказались утраченными в перестроечной жизни. Актуализировались и традиции исторической прозы: Я. Борщевского, В. Ластовского, но особенно В. Короткевича, одного из основателей романтико-просветительского отображения истории. В этом направлении отечественной прозы с успехом проявили себя О. Лойко, И. Шамякин, Л. Дайнеко, К. Тарасов, О. Ипатова, В. Ковтун, В. Орлов, А. Наварич, Ф. Сивко, А. Бутевич, Э. Ялугин, Я. Конев и другие писатели. В зависимости от эстетического сознания писателя проявляется и особый характер нравственной “задачи” художественной реконструкции истории. Вместе с тем, авторы, углубляясь в исторические пласты жизни своего народа, решали не столько просветительские задачи, сколько проблемы современности: национальные, духовные, нравственные.

Проблема власти и национальной свободы — основная “задача” О. Ждана в его романе “Князь Мстиславский”. (Впервые роман был опубликован в 2009 году в журнале “Нёман”, № 7–9, отдельной книгой вышел в 2010 году в издательстве “Литература и искусство” в серии “Свет минувшего”).

В основе романа — факт исторический, в тексте отображены реальные события начала XVI века. Доскональное знание белорусской истории в её общеславянском и европейском контекстах, использование документальных и других свидетельств позволили автору глубоко проникнуть в психологическую атмосферу той эпохи.

В романе нет войны как военной баталии с грохотом боевых действий, атаками, пожарами и т. д. Автор пишет скорее о **жизни** на войне — драматической, несвободной, угнетающей человеческое достоинство.

Сублимируются и переплетаются разные стилистые пласты, документальное изображение и авторское повествование, речевая стилизация и авторский язык. Заметно стремление писателя к эпической прозе. Хронология ис-

торических событий подана чаще всего посредством инверсии. Экскурсом отражены и страницы жизни правления Ивана III, история его непростых взаимоотношений с Александром Ягеллоном. Кстати, драма этих отношений, как и драматические перипетии брака Елены и Александра, рассматривались И. Шамякиным в “Великой княгине” (1996). Но роман И. Шамякина более ориентирован на современность, он более публицистичен, более запрограммирован, чем дискурс О. Ждана.

Князь Мстиславский – главный герой романа. Это историческая фигура, на примере которой писатель стремится решить одну из главных проблем произведения, проблему выбора: может ли выбор человека быть моральным, если он, этот человек, поставлен в условия принуждения?

Герой О. Ждана не хочет войны. Он хочет мира и созидания своему княжеству. “Мне бы мира годков пять... – мечтает Михайло Иванович. – А если б Александр освободил от ордынщины... Я бы много что сделал. Ну, а пока построю придел к божнице Святой Троицы – тесно, людям помолиться негде на праздник. Потом новый храм во славу Господа – такой, чтобы со всей Руси – и Литовской, и Московской – приезжали дивиться. Два моста надо построить через Вехру... да через Сож... Нет, пять мало, годков бы десять” [8. С. 31–32].

Михаил Иванович Жеславский из рода Гедиминова, прямой потомок Великого князя Евнута, который после крещения принял имя Иван. Все потомки Ивана-Евнута были православными. Жеславские, поясняет автор, на самом деле были Заславские – по названию княжества, которым владели с 1345 года. По воле великого князя Александра Михаил Иванович стал удельным князем Мстиславским.

Князь Мстиславский представлен автором во всём противоречии современной ему жизни. Правда, писатель не даёт нам возможности “напрямую” наблюдать за движением внутреннего мира героя. Структурно характер героя не наделён саморефлексией. Писатель фокусирует внимание на патриотической доминанте образа, демонстрируя при этом более чем демократические отношения князя с простыми людьми.

Сдержанно принял народ мстиславский нового князя: “Чего радоваться чужаку?” [8. С. 49]. Не всем нравились его новшества. А начал князь с кладбища, с главного для всех славян места, которое соединяет умерших и живущих в единую природно-космическую духовную сферу. “Что как завтра Второе пришествие?” [8. С. 46]. Паны-бояре тоже не хотели Жеславского, хотя и Москва им не нужна, “не надо мстиславским боярам Москва, нет лучшего места на земле, чем родное, даже Мессия, когда настанет час, пройдёт сперва через Мстиславль, а потом уже через Москву” [8. С. 51–52].

О. Ждан создаёт достаточно реалистическую картину жизни Мстиславля, за которой угадывается жизнь всего белорусского средневековья. Народ индифферентен к правителям и королям. По-разному люди воспринимают и войну: “Молодые, может, и хотят повоевать, а у кого семья... – отвечает за всех Савка Кумар. – Ни воевать, ни в осаде сидеть. Им всё едино, что Жигимонт, что Василий. Не народ, а быдло... Когда князь Острожский бил московитов, стояли здесь, на обрыве, ждали – кто кого. Когда князь Ростовский воевал Литву и положил на Вехре семь тысяч, тоже стояли, открыв рот. Им всё одно. Главное, чтоб веру православную не трогали и еда какая-никакая была” [8. С. 110]. Однако конфликт войны и мира был порождён не столько религиозными мотивами, сколько борьбой за землю: “Спор меж Василием и Жигимонтом, – отметит князь Мстиславский, – не за веру. Не за Смоленск даже або Мстиславль. За великие земли спор, и докончання ему пока что не видно...” [8. С. 103].

О. Ждан решает проблему власти как проблеме ответственности перед людьми и перед Богом: “Княжеское звание – не подарок, – убеждает собеседника князь. – Это такая работа изо дня в день. Нет ни одного дня, чтоб любой человек в княжестве, – хоть холоп, хоть вольный кмет, – не вспомнил о нас” [8. С. 198].

Вместе с тем, любая власть безнравственна, кроме той, что служит Богу: “– А самое лучшее – ни московскому государю, ни польскому королю не служи, а одному Богу и своим людям”, – поправляет князя отец Никодим.

“– Подскажи как, владыко!.. Как служить Богу и своим людям, коли побач такие могутные соседи, и терпеть они не могут, что вот это маленькое кня-

жество – само по себе. Каждый считает, что наша земля – его земля, наши леса, реки, озёры – его леса, реки, озёры, что одному ему можем мы служить от рождения до самой смерти, не для себя, а для него жить!..” [8. С. 250].

Но это и есть главное противоречие всякой власти. И во все времена.

Князь Мстиславский всё больше будет утверждаться в мысли, что “княжество, – это не золото и серебро... Не слава... Это – крест. Сперва охота получить его, а напотом... Хочешь не хочешь – надо” [8. С. 199].

Практически все герои романа поставлены в условия личностного выбора – жизни или смерти, служения отчизне или предательства. Выбор у князя Мстиславского особо ответственный: от этого выбора зависит не только сохранение его княжеской чести, а, прежде всего, жизнь людей его княжества. Об этой ответственности, сопряжённой со здравым смыслом политика, князь помнил всегда. Во избежание массовой резни и разрушения Мстиславля князь сдал Мстиславль без сопротивления, **но встретить воеводу Щеню не вышел**. Но это только начало его внутренней драмы.

Вскоре герой О. Ждана будет поставлен в ещё более жёсткие условия выбора: он должен отказаться от Литвы и присягнуть Василию. “Отложиться от Литвы и присягнуть Москве? Послать грамоту Жигимонту, что слагаю присягу с себя?.. Но родился я в самой середине Великого княжества Литовского, в тридцати верстах от Менска, в городе Изяславле... Ты знаешь, – обращается князь к святому отцу, – мстиславское княжество мне и счадкам моим на веки вечные отдал Александр Ягеллон, Великий князь Литовский, Жемойтский и Русский... Как же я предаю брата его Жигимонта?..” [8. С. 158]. В этих словах – всё отчаяние князя, масштабы его душевного смятения. Ведь “менять государство – значит, менять жизнь” [8. С. 202]. Нет, князь не за себя боится, а “за сынов своих, за дочек... Ну, и за людишек в городе” [8. С. 202]. Нелегко даётся князю его выбор, никто не решается разделить его ответственность. Тогда он обращается к природе, едет в лес и там, в шуме деревьев он слышит “гул человеческих судеб, казалось, там, вверху, встречаются прошлое и будущее, и гул оттого, что – известно всё, ничего не скроешь, не спрячешь, и нет утешения ни внизу, ни вверху” [8, с. 233]. Нет утешения князю. Остаётся только здравый смысл, который победил все другие смыслы. Князь присягает на верность великому князю Василию, государю всея Руси. И не только присягает, но и совершает при этом “крестное целование”. Однако и здесь побеждённый князь сумел сохранить если не честь, то своё внутреннее достоинство: “Не покрестился ты, как поцеловал крест. И потом не покрестился” [8. С. 234], – заметил его неискренность Щеня.

Таким образом, О. Ждан сумел создать яркий образ исторической личности, отобразить эпоху. А вместе с тем попытался постичь философию войны и мира, жизни и смерти. “А может, другой жизни и не бывает? Может, война и есть нормальная наша жизнь, а замирение – только чтоб с силой собраться... Один построил – другой спалил, одного родили – другого погубили... Не надо удивляться ни жизни, ни смерти. Равны они, жизнь и смерть” [8. С. 224–225]. И в этом трагическом водовороте жизни и смерти человек изменить ничего не может, ибо ни жизнь, ни смерть ему не подвластны. “Жизнь, смерть... Об этом думать не надо. Оно само приходит-уходит. При чём тут мы, люди? И жизнь, и смерть – от Бога” [8. С. 225]. Что же остаётся для человека? Душа. За душу человек всегда в ответе, она – связующее звено прошлого и будущего. “Душа для человека – всё. Она знает и то, что было, и то, что будет. Она главней всего. Ты помрёшь, а у неё тогда и начинается настоящая жизнь” [8. С. 247]. Жизнь в будущем.

Роман “Князь Мстиславский” получил высокую оценку в отечественной критике. По мысли Д. Мартиновича, О. Ждану “удалось погрузиться в прошлое и открыть для читателей спрятанную в глубине веков Атлантиду – прошлое родного Мстиславля и своей страны” [9. С. 2].

Критик Ю. Сапожков воспринял роман, прежде всего, как “попытку разобрататься в смысле жизни, в её жестоких противоречиях, попытку заглянуть в глубины прошлого, во многом определяющего наше сегодняшнее поведение”. Для Ю. Сапожкова “Князь Мстиславский” – “вещь сложная и тоже противоречивая, как сама жизнь. В ней ни одного персонажа сугубо положительного. В ней нет судей – только судьба” [10. С. 206]. Но главное всё же не это. Весьма своеобразно прочитывает критик образ Михаила Ивановича

Жеславского, считая, что *“унижение не возвышает”* [10. С. 204], а принародное целование креста на верность Василию – это *“полное поражение”* Михаила Ивановича. Особенно смущают последующие параллели критика – пусть и не прямые – с героями войны 1941–1945 годов: начальником заставы А. М. Кижеватовым, полковым комиссаром Б. М. Фоминым, здесь же озвучивается и имя Власова. Каждое историческое время имеет свою идеологию и своих героев. Это разные уровни развития человеческого сознания и разные морально-этические приоритеты. *“Полное поражение”* князя в чём? В спасении города и человеческих жизней? Думается, в этом последнем поступке и проявился настоящий характер князя, его мужество и величие духа. Герой попрали свою княжескую гордость, смирил гордыню, но сохранил жизнь людям. Он руководствовался не честью, а здравым смыслом. Кстати, как подчёркивает писатель, многие удельные князья в своих поступках часто этим смыслом руководствовались. Именно в таком решении образа – основная заслуга автора романа *“Князь Мстиславский”*.

Православная тематика – это новое направление в отечественной прозе.

Вспоминается удивительно тонкое по психологическому рисунку философской мысли повествование В. Ковтун *“Пакліканыя”* (2007). Роман посвящен святой Евфросинье Полоцкой, великой заступнице земли белорусской. В 2007 году был опубликован роман-хроника Н. Еленевского *“Время пастыря”*, где автор открывает имя священника Лунинецкой церкви Тихоновича Платона Максимовича – автора первой белорусской грамматики.

Роман О. Ждана *“Государыня и епископ”* (2012) в определённом смысле перекликается с текстом Н. Еленевского. Писатель тоже *“открывает”* епископа Конисского. Оставаясь верным мстиславской истории, О. Ждан пытается определить роль православной церкви в развитии белорусской государственности. Как и раньше, прозаик отталкивается от исторически-реального факта посещения Мстиславля императрицей Екатериной Алексеевной по пути следования в Тавриду. Переплетаются две разностилевые повествовательные линии: *“линия”* светской жизни, наполненная светлым юмором, иронией, и *“линия”* жизни и деятельности архиепископа Георгия Конисского, где доминирует драма, письмо психологически-аналитическое.

Георгий Конисский был одним из образованнейших людей своего времени. Окончил знаменитую Киево-Могилянскую духовную академию *“с особой похвалой”* и там же был оставлен преподавателем по классу красноречия, стал профессором философии, а потом и профессором богословия. В 27 лет было совершено торжественное пострижение его в монашеское служение Богу, а в сентябре 1789 года, на двадцать седьмом году служения, Георгий был возведён в сан архиепископа и назначен членом Святейшего Правительствующего Синода, стал епископом Могилевским. *“Пришло время отстоять нашу веру! Пришло время заблудшим овцам возвратиться в свои стада”* [11. С. 12], – такую задачу ставил перед собой великий святитель.

Продолжалось противостояние православной церкви и инославных: католиков, униатов. Писатель, как и в романе *“Князь Мстиславский”*, вводит в текст множество исторических и документальных свидетельств, среди которых и воспоминания самого Конисского. Спокойной жизни на мстиславской земле не было уже почти двести лет. Особенно злобствовали *“псы Господни”* – доминиканцы, они силой отнимали храмы у православных, принуждая их носить на себе огромные деревянные кресты с еловыми венками. Засилие католицизма продолжалось и после подписания договора о вечном мире между Россией и Польшей в 1686 году. Согласно этому договору, пять епархий имели право сохранить православие, однако ко времени служения епископа Георгия осталась одна – могилевская. Воссоединение с Православной церковью всех отнятых у неё епархий Георгий Конисский считал своей главной задачей – *“иначе зачем он ходит по земле?”* [11. С. 19]

Георгий Конисский в отображении О. Ждана – личность масштабная. Это не только священник, вся жизнь которого была направлена на укрепление Православной Церкви. Это – герой возрожденческого плана. Он добивался веры во имя своего народа, а не той, которая его духовно уничтожала или унифицировала. Георгий желал соединения всех национально-просветительских и духовно-христианских сил с целью более успешного, прогрессирующего продвижения народной жизни. Консолидирующей силой в этом процессе, по его убеждению, должно стать Православие – истинно белорусская вера.

Проповеди епископа – это образец ораторского искусства. Они “многожарные”: проповедь-обращение, проповедь-просьба, проповедь-мольба, проповедь-благование, проповедь-благодарение. Они характеризуют Конисского как великого национального деятеля, страстного заступника белорусского народа. Наряду со святой Евфросиньей Полоцкой, Василем Тяпинским, Афанасием Филиповичем, Кириллом Туровским, Симеоном Полоцким... Они – из кагорты “пакліканых”.

Георгий добился своего: польский сейм утвердил Трактат о свободе вероисповедания в Польше. Закончилось его трехлетнее мучительное пребывание в Варшаве. Но удовлетворения не было, ибо по сути ничего не изменилось: истязания православных продолжались. Задумано было покушение и на самого епископа, но ему удалось тайно убежать в Смоленск. Ситуация изменилась лишь после того, когда Могилев вошёл в состав России. Приход за приходом, целыми деревнями крестьяне возвращались в православие.

Георгий выполнил главную задачу своей жизни. Но церковь нуждалась в поддержке государства. И в этом плане епископ Конисский возлагал большие надежды на Екатерину. Он был многим обязан императрице, ощущал её поддержку, хотя и был несколько озадачен её указом, который позволял отнимать земли у монастырей и церквей.

Создавая портрет великого подвижника, О. Ждан одновременно стремится проникнуть в нравственные основы христианского гуманизма, коснуться сущности таких понятий, как вина и покаяние. Затрагивает он и основу основ Православия – положение о греховности человеческих поступков. Георгий обвиняет себя в грехе равнодушия к родителям, в том, что не проводил их в последний путь, *“грех малой любви к родителям и терзал его душу. Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”* [12. С. 10]. Он вновь и вновь приходил к родительским могилкам, *“плакал, стоя на коленях, захлёбываясь от старых слёз. Они простили его”* [12. С. 11]. Есть и другие грехи, которые терзали душу епископа, – он знал о них. Но были и такие, о которых он не подозревал, но и за них он тоже в ответе. Он чувствует свою вину и за пьяного Савку Кумара, за своё непощение, что не выслушал того, не помог. *“Разве прощение – не один из главных камней христианства?”* [12. С. 25].

Вот так, постепенно, О. Ждан приблизился к одному из главных постулатов христианского учения – идее прощения.

Жизнь священника – жизнь особенная. Это – жизнь-служение, жизнь-самоотречение. Но всё вместе – это подготовка человека к главному: к смерти. Георгий никогда не забывал об этом. И был всегда к этому готов. Менял только смысл прощальных слов. *“Сперва едва не со слезами на глазах: “Если Ты бессмертен – сделай бессмертным меня!” Потом – “Спасибо, Господи!” Ещё позже – “Продли!”* [12. С. 38]. Но то было время *“несогласия и себялюбия”*. Оно давно ушло в прошлое, сменилось смирением. Теперь Георгий твёрдо знал свои последние слова: *“Спасибо Тебе за жизнь. Прости, что не оправдал надежд”* [12. С. 38]. Но эти слова он скажет не здесь. На земле у него иная заключительная миссия: выступить перед императрицей. Он должен передать ей своё и всего православного люда восхищение и любовь, *“передать так, чтобы она почувствовала его”* [12. С. 38].

Текст О. Ждана включает в себя два художественно-структурных центра, которые всё время сближаются. Но если образ епископа представлен крупным планом, в психологическом и духовном движении, развитии, то облик Екатерины остаётся “за кадром”. Её присутствие незримо, её образ как бы растворён в атмосфере подготовки мстиславцев к исторической встрече.

И только в конце романа эти два идейно-нравственных центра сходятся. Возникает сцена удивительного духовного катарсиса, очищающего не только героев О. Ждана, но и нас, читателей. Писатель приводит документальные слова епископа, слова, выстраданные всей его подвижнической жизнью. Георгий проникновенно приветствует и славит Екатерину. Но, вместе с тем, он прощается с ней, зная, что больше они не увидятся. Его богоугодная и её великая жизни приближаются к вечности. *“Как продлить её? – К западу только жизни твоей не спеши, ибо воскликнем мы, как Иисус Навин: стой, солнце, и не двигаясь, дондеже вся противная нам мерьям твоим победиши!..”* [12. С. 38]

Георгий Конисский – образ высочайшей духовной силы. Это личность глубоко нравственная, которая проявляется через своё служение Богу и Родине.

Но это и новый герой О. Ждана, несущий в себе новую веру в человека, новое понимание мира, новые нравственные и морально-этические ориентиры.

* * *

Критик А. Новиков на литературном портале приводит признание О. Ждана: *“С Мстиславлем, родиной, связаны, так или иначе, почти все сюжеты моих рассказов – и современных, и исторических. Когда-то казалось – что мне эти Мстиславские читатели! Теперь – нет важнее...”* Сместился вектор творческой заинтересованности О. Ждана 2000-х годов. Теперь для писателя нет ничего важнее истории родного Мстиславля. Ибо *“если не я, то – кто же?”* – признался писатель в разговоре с автором этой статьи.

Истории Мстиславля посвящён последний по времени дискурс “Белорусцы”: повесть в трёх сюжетах (Нёман, 2013, № 6). Основная идея повести прочитывается уже в её заглавии. Кто такие белорусцы под небом славянским? И не только славянским, а общеевропейским – по своей онтологической сущности, ментальности, психологической уникальности? В чём, например, проявился князь Мстиславский как белорусец – не в этом ли остро подмеченном: *“Не покрестился ты, как целовал крест. И потом не покрестился”*. Сумел же князь в условиях полного подчинения остаться внутренне “неподчинённым”, достоинство своё сохранить, и не только своё, а народное, ибо от лица народа выступал. Не в этом ли “архетипичность” характера князя?

В “Белорусцах” писатель вплотную подошёл к созданию национальных **характеров-типов** – белорусцев, которые и являются представителями своего уникального по психологии народа. Три внешне автономных сюжета повести – “Скандал в Великом посольстве”, “Царёв град”, “Путешествие” – являются, по сути, триптихом и решают одну и ту же художественную задачу.

“Скандал в Великом посольстве” построен, как и вся историческая проза О. Ждана, на документе. На этот раз писатель использовал дневник Петра Вежевича, стольника и подкомория князя Мстиславского. От его имени и ведётся повествование.

Начало 1635 года. После Смоленской войны в Москву было направлено посольство для подписания вечного мира. От Польской короны его представлял Александр Песочинский, от Великого княжества Литовского – пан Казимир Сапега. Принимал посольство в Москве великий князь Михаил Фёдорович, царь всея Руси.

Автор проигрывает ситуацию, идентичную целованию креста князем Мстиславским. *“Мы сняли шапки, когда называли титулы. Но теперь не снимем, поскольку я наделён достоинством нашего короля. Не больше, но и не меньше”* [13. С. 17], – с вызовом, хоть и несколько высокопарно, пытается отстоять свою “вельможность” пан Песочинский. *“После свершения посольства все мы пошли к царской руке. Целовал ли пан Песочинский руку царя, я не заметил, – свидетельствует очевидец встечи, – а вот пан Казимир Сапега точно не целовал* (выделено мною. – В. Л.), *только приложился челом”* [13. С. 18].

“Сюжеты” повести интересны своим “фоном”, который насыщен деталями быта, своеобразным историческим “бытовизмом”, обрядовыми действиями, секретами древних рабочих профессий и другими “атрибутами”, характерными для того времени. Автор тонко подмечает остатки синкретической культурной традиции в жизнедеятельности людей этого края.

Впечатляет “Царёв град”, где основной темой повествования О. Ждан снова выбирает войну, на этот раз русско-польскую войну 1654–1667 годов. Однако здесь художественное решение темы войны концептуально иное. Писатель как бы полемизирует с собою прежним. Теперь для него главное – **образ войны** и её трагический исход для народа мстиславского.

“Заповеди Божьи соблюдайте и дела наши с радостью исправляйте; творите суд в правду, будьте милостивы, ко всем любовны, примирительны, а врагов Божиих и наших не щадите” [13. С. 27], – такими словами в Успенском соборе напуществовал московский государь Алексей Михайлович своих верноподданных, отправляя их на войну. Князю Трубецкому со своим особым большим полком предстояло идти к Брянску, затем на Мстиславль, Могилёв... Брянск сдался без боя. Впереди был Мстиславль: *“Больше восемнадцати тысяч ратников шагало – пыль стояла столбом. Позади строя на двукон-*

ных хорошо окованных повозках везли короткоствольные полевые пушки” [13. С. 28]. Так начиналась, пожалуй, одна из самых кровопролитных в истории белорусского народа войн, ибо там погиб каждый второй белорус [14].

Мстиславцы, вопреки ожиданиям Трубецкого, отказались открыть ворота города и сдаться на милость москвитов. Они выбрали сражение, втайне надеясь на помощь войск Януша Радзивилла.

Все сплотились против общего врага, забыв о своих внутренних обидах и конфликтах. На переговоры к Трубецкому ушли вместе: отец Павел, ксендз Мартин и униат Софроний. Просили пощадить людей и город. Позже и тоже вместе ксендзы, священники униатских и православных храмов будут молиться под ядрами и пулями о спасении Мстиславля.

“Понять здешний народ трудно, – отметит в недоумении князь Трубецкой. – Лезут католики в каждую щёлку, два костёла подняли меньше, чем за пять-десять лет, униаты выжили православных с Афанасьевского пляца, а всё равно вопили все вместе: “Бьёмся!” – и, конечно, местный воевода вдохновлял всех” [13. С. 35].

О. Ждан романтизирует образ войны, как это делали его далёкие предшественники: Стендаль, Лермонтов, Л. Толстой. В тексте чувство восторга, страха и боли сливаются воедино. *“Ох, как красиво и страшно горела она (Замковая гора. – В. Л.) в ночи!”* [13. С. 43]. Мстиславцы не встали всем городом на колени в молитве, они, осуждённые на смерть, *“стреляли из мушкетов, пищалей, швыряли горящие головешки, брёвна... Сам воевода Друцкой-Горской и войт Вырвич стояли среди шляхтичей с саблями и пищалами в руках. Страшное веселье накатило на них: чем ближе подбирались по горе ратники Трубецкого, тем азартнее становились их лица. Страх исчез с первыми выстрелами, казалось, еле сдерживались, чтобы не перепрыгнуть городень навстречу войсковцам”* [13, с. 43–44].

Мстиславль пал. Он и не мог устоять перед многотысячным полком князя Трубецкого. Тут же меняется и структура повествования. Из текста уходит романтика. Доминируют уже другой стиль, стиль трагедии и иные традиции: Р. Олдингтона, Э. Ремарка, Э. Хемингуэя, М. Горьцкого. Писатель изображает страшную картину после сражения. *“Тела лежали везде, куда ни посмотри: стреляные, резаные, колотые. Одни – лицом к земле, словно пытались бежать и пика или пуля догнала их на бегу, другие – на спине, будто хотели в последний раз глубоко вздохнуть и взглянуть в небо, одни – широко раскинувшись, иные, напротив, подобрал под себя и руки, и ноги, словно затаившись в траве <...>. Тела лежали и в посадке, в переулках больших и малых. Было видно, что не только убежали, но и защищались, – и в одиночку, и сообща. Лежали на дорогах, на порогах хат, будто надеялись спастись за дверьми, висели, перевалившись через прясла. Противно было на всё это глядеть”* [13, с. 49].

Таким образом, О. Ждан создаёт очень яркий, впечатляющий “образ” войны. Здесь реалистическое изображение граничит с натуралистическим, отчего степень боли, степень неприятия войны только усиливается.

“22 июля великою потугою и усильством через штурм мстиславский замок был захвачен. Народ всякий шляхетский, мещан и жидов, а также простых людей в пень высекли... среди трупов живых находили и в плен в Москву забирали, побито было больше десяти тысяч человек, – записал свидетель боища” [13. С. 50].

В истории города та ночь так и осталась под именем московского князя – *“Трубецкая резня”* [13. С. 50].

Вопрос правильности/неправильности выбора князя Мстиславского и воеводы Друцкого-Горского, думается, ещё ждёт своего обсуждения и соответствующей нравственной оценки.

* * *

Историческая проза О. Ждана сопряжена с реализмом экзистенциально-эпического направления, который и становится для писателя источником потенциального богатства эстетических, художественных и духовных поисков. Художественное отображение феномена исторического прошлого Мстиславля подвигло прозаика к исследованию менталитета и самоидентификации белоруса и белорусского народа, привело его к необходимости осмысления спе-

цифики национального бытия и, как результат всего этого, – создание характеров-типов.

Постсоветская проза О. Ждана стремится к генерированию новой философско-художественной концепции, которая своей сущностью связывается с национально-возрожденческими традициями. Автор усиливает патриотическую доминанту своих текстов. Его герой – всё тот же странник, но уже не идейно ориентированный, а национально детерминированный. Это тип героя исторического, который внутренне “произрастает” из духовной субстанции своего древнего народа. В этом его неоспоримая сила и главное отличие. Но это тоже – странник. Переходя из одного исторического времени в другое и осознавая философию этого времени, он начинает всё глубже понимать и своё достоинство и нравственную силу, а также достоинство и силу своего народа. Имя этому страннику – **белорусец**.

Талант Олега Ждана многогранен, он не только прозаик, автор ряда книг, романов, десятка повестей и большого количества рассказов. Он ещё и драматург, киносценарист, переводчик белорусской прозы на русский язык. А недавно он успешно дебютировал в жанре детской сказки. К сожалению, размеры этой статьи не позволяют нам затронуть все аспекты его творческой деятельности. Писатель в поиске. А это значит, что он ещё не раз порадует своего читателя и зрителя новыми произведениями.

Литература:

1. Букчин С. Правда жизни и литературные соблазны / С. Букчин. “Нёман”, 1986. № 1. С. 143–158.
2. Ждан О. А. По обе стороны проходной: повести о необычных и обычных людях. М., “Молодая гвардия”. 1987. С. 383.
3. Ждан О. Черты и лица: повести/. М., “Советский писатель”, 1985. С. 304.
4. Бондаренко В. Сюжеты нашей жизни. В кн.: О. А. Ждан. По обе стороны проходной: повести о необычных и обычных людях. М., “Молодая гвардия”. 1987. С. 288–383.
5. Ждан О. Сопровождающий: повесть. – “Всемирная литература”. 2006. № 2. С. 63–101.
6. Ждан О. Гений: повесть. “Нёман”, 2011. № 9. С. 115–137.
7. Хількевіч У. Трышкін кафтан генія?: Гутарка У. Хількевіча з А. Жданам. “Звязда”. 2012. 17 сакавіка. С. 6.
8. Ждан О. А. Князь Мстиславский: роман. Мінск, “Літаратура і Мастацтва”, 2010. С. 256.
9. Мартинович Д. ”Свет минувшего”. О мстиславской истории. – “Кніжны свет”. 2010. 17 верасня. Выпуск 14.
10. Сапожков Ю. Меж духом и словом: критические статьи, диалоги, эссе. Минск, “Літаратура і Мастацтва”, 2012. С. 272.
11. Ждан О. А. Государыня и епископ: роман. “Нёман”. 2012. № 9. С. 3–45.
12. Ждан О. А. Государыня и епископ: роман. “Нёман”. 2012. № 10. С. 3–44.
13. Ждан О. Белорусцы: повесть в трёх сюжетах. “Нёман”. 2013. № 6. С. 3–63.
14. Конан У. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі: у 3-х тамах. Т. 1. Мн., “Беларуская навука”. 2010. С. 440. С. 176–214.